

Станюкович Константин Михайлович

Ужасный день

Константин Михайлович СТАНЮКОВИЧ

УЖАСНЫЙ ДЕНЬ

Рассказ

I

Весь черный, с блестящей золотой полоской вокруг, необыкновенно стройный, изящный и красивый со своими чуть-чуть наклоненными назад тремя высокими мачтами военный четырехпушечный клипер* "Ястреб" в это хмурое, тоскливое и холодное утро пятнадцатого ноября 186_ года одиноко стоял на двух якорях в пустынной Дуйской бухте неприветного острова Сахалина. Благодаря зыби клипер тихо и равномерно покачивался, то поклевывая острым носом и купая штаги** в воде, то опускаясь подзором своей круглой кормы.

* К л и п е р - трехмачтовый быстроходный военный корабль.

** Ш т а г - снасть, удерживающая мачту.

"Ястреб", находившийся уже второй год в кругосветном плавании, после посещения наших, почти безлюдных в то время портов Приморской области зашел на Сахалин, чтобы запастись даровым углем, добытым ссыльно-каторжными, недавно переведенными в Дуйский пост из острогов Сибири, и идти затем в Нагасаки, а оттуда - в Сан-Франциско, на соединение с эскадрой Тихого океана.

В этот памятный день погода стояла сырая, с каким-то пронизывающим холодом, заставлявшим вахтенных матросов ежиться в своих коротких буршлатах и дождевиках, а подвахтенных* - чаще подбегать к камбузу** погреться. Шел мелкий, частый дождик, и серая мгла заволакивала берег. Оттуда доносился только однообразный характерный гул бурунов, перекачивающихся через отмели и гряды подводных камней в глубине бухты. Ветер, не особенно свежий, дул прямо с моря, и на совершенно открытом рейде*** ходила порядочная зыбь, мешавшая, к общему неудовольствию, быстрой выгрузке угля из двух больших, неуклюжих допотопных лодок, которые трепались и подпрыгивали, привязанные у борта клипера, пугая "крупу", как называли матросы линейных солдатиков, приехавших с берега на лодках.

* П о д в а х т е н н ы й - помощник вахтенного.

** К а м б у з - кухня на корабле.

*** Р е й д - место недалеко от входа в гавань, удобное для стоянки кораблей.

С обычной на военных судах торжественностью, на "Ястребе" только что подняли флаг и гюйс*, и с восьми часов на клипере начался судовый день. Все офицеры, выходявшие к подъему флага наверх, спустились в кают-компанию** пить чай. На мостике только оставались, закутанные в дождевики, капитан, старший офицер и вахтенный начальник, вступивший на вахту.

* Г ю й с - флаг, поднимаемый во время стоянки корабля на якоре.

** К а ю т- к о м п а н и я - салон на судне для офицеров.

- Позвольте отпустить вторую вахту* в баню? - спросил старший офицер, подходя к капитану.
- Первая вахта вчера ездила... Второй будет обидно... Я уж обещал... Матросам баня - праздник.

* В а х т а - часть личного состава, несущая службу на корабле.

- Что ж, отпустите. Только пусть скорее возвращаются назад. После нагрузки мы снимемся с якоря. Надеюсь, сегодня кончим?

- К четырем часам надо кончить.

- В четыре часа я, во всяком случае, уйду, - спокойно и в то же время уверенно и властно проговорил капитан. - И то мы промешкались в этой дыре! - прибавил он недовольным тоном, указывая своей белой, выхолненной маленькой рукой по направлению к берегу.

Он откинул капишон дождевика с головы, открыв молодое и красивое лицо, полное анергии и выражения спокойной уверенности стойкого и отважного человека, и, слегка прищутив свои серые, лучистые и мягкие глаза, с напряженным вниманием всматривался вперед, в туманную даль открытого моря, где белели седые гребни волн. Ветер трепал его светло-русые бакенбарды, и дождь хлестал прямо в лицо. Несколько секунд не спускал он глаз с моря, точно стараясь угадать: не собирается ли оно разбушеваться, и, казалось, успокоенный, поднял глаза на нависшие тучи и потом прислушался к гулу бурунов, шумевших за кормой.

- За якорным канатом хорошенько следите. Здесь подлый грунт, каменистый, - сказал он вахтенному начальнику.

- Есть! - коротко и весело отрезал молодой лейтенант Чирков, прикладывая руку к полям зюйдвестки* и, видимо, щеголяя и служебной аффектацией хорошего подчиненного, и своим красивым баритоном, и своим внешним видом заправского моряка.

* З ю й д в е с т к а - непромокаемый головной убор с широкими полями.

- Сколько вытравлено цепи?

- Десять сажень каждого якоря.

Капитан двинулся было с мостика, но остановился и еще раз повторил, обращаясь к плотной и приземистой фигуре старшего офицера:

- Так уж пожалуйста, Николай Николаич, чтобы баркас вернулся как можно скорей... Барометр пока хорошо стоит, но, того и гляди, может засвежить. Ветер прямо в лоб, баркасу* и не выгрести.

* Б а р к а с - самая большая весельная лодка на корабле.

- К одиннадцати часам баркас вернется, Алексей Петрович.

- Кто поедет с командой?

- Мичман* Нырков.

* М и ч м а н - первый морской офицерский чин.

- Скажите ему, чтоб немедленно возвращался на клипер, если начнет свежить.

С этими словами капитан сошел с мостика и спустился в свою большую, комфортабельную капитанскую каюту. Проворный вестовой* принял у входа дождевик, и капитан присел у круглого стола, на котором уж был подан кофе и стояли свежие булочки и масло.

* В е с т о в о й - матрос, прислуживающий офицеру.

Старший офицер, ближайший помощник капитана, так сказать "хозяйский глаз" судна и верховный жрец культа порядка и чистоты, по обыкновению поднявшись вместе с матросами, с пяти часов утра носился по клиперу во время обычной его утренней уборки и торопился теперь выпить поскорее стакан-другой горячего чаю, чтобы затем снова выбежать наверх и поторапливать выгрузкой угля. Отдав вахтенному офицеру приказание собрать вторую вахту на берег, приготовить баркас и дать ему знать, когда люди будут готовы, он торопливо сбежал с мостика и спустился в кают-компанию.

Тем временем к мостику подбежал вызванный боцман Никитин, или Егор Митрич, как почтительно звали его матросы. Приложив растопыренные засмоленные пальцы своей здоровенной мозолистой и шершавой руки к сбитой на затылок намокшей шапке, он внимательно выслушивал приказание вахтенного офицера.

Это был коренастый и крепкий, небольшого роста, сутуловатый пожилой человек самого свирепого вида: с заросшим волосами некрасивым рябым лицом, с коротко подстриженными щетинистыми, колючими усами и с выкаченными, как у рака, глазами, над которыми торчали черные взъерошенные клочья. Перешибленный еще давно марса-фалом нос напоминал темно-красную сливу. В правом ухе у боцмана блестела медная сережка.

* М а р с а - ф а л - снасть, поднимающая марсель. М а р с е л ь

- большой прямой парус, второй снизу.

Несмотря, однако, на такую свирепую наружность и на самое отчаянное сквернословие, которым боцман приправлял и свои обращения к матросам, и свои монологи под пьяную руку на берегу, Егор Митрич был простодушнейшим и кротким существом с золотым сердцем и притом лихим, знающим свое дело до тонкости боцманом*. Он никогда не обижал матросов -

ни он, ни матросы не считали, конечно, обидой его ругательных импровизаций. Сам прежде выученный битьем, он, однако, не дрался и всегда был предстателем и защитником матросов. Нечего и прибавлять, что простой и незаносчивый Егор Митрич пользовался среди команды уважением и любовью.

* Б о ц м а н - старший унтер-офицер, отвечающий за судовые работы и чистоту на корабле.

"Правильный человек Егор Митрич", - говорили про него матросы.

Выслушав приказание вахтенного лейтенанта, боцман вприпрыжку понесся на бак и, вынув из кармана штанов висевшую на длинной медной цепочке такую же дудку, засвистал в нее соловьем. Свист был энергичный и веселый и словно бы предупреждал о радостном известии. Отсвистав и проделав трели с мастерством заправского боцмана, свиставшего в дудку половину своей долгой морской службы, он нагнулся над люком в жилую палубу и, расставив фертом свои цепкие, слегка кривые, короткие ноги, весело зыкнул во всю силу своего могучего голоса, несколько осипшего и от береговых попок, и от ругани:

- Вторая вахта в баню! Баркасные на баркас!

Вслед за громовым окриком боцман сбежал по трапу* вниз и обходил жилую палубу и кубрик**, повторяя команду и рассыпая направо и налево подбадрывающие энергические словечки самым веселым и добродушным тоном:

- Живо, сучьи дети!.. Поворачивайтесь по-матросски, черти!.. Не копайся, идолы! Небось долго париться не дадут... К одиннадцати чтобы беспременно на клипер... В один секунд собирайся, ребята!

* Т р а п - лестница на корабле.

** К у б р и к - общее жилое помещение на корабле для судовой команды.

Заметив молодого матросика, который и после свистка не трогался с места, Егор Митрич крикнул, стараясь придать своему голосу сердитый тон:

- А ты, Конопаткин, что расселся, ровно собачья мамзель, а? Ай в баню не хочешь, песья твоя душа?

- Иду, Егор Митрич, - проговорил, улыбаясь, матросик.

- То-то иду. Собирай свои потроха... Да не ползи, как вошь по мокрому месту! - рассыпал Егор Митрич перлы своего остроумия при общем одобрительном смехе.

- А скоро уходим отсюда, Егор Митрич? - остановил боцмана писарь.

- Надо быть, сегодня...

- Скорей бы уйти. Как есть подлое место. Никаких развлечений...

- Собачье место... Недаром здесь несчастные люди живут!.. Вали, вали, братцы! - продолжал покрикивать боцман, сдабривая свои окрики самыми неожиданными

импровизациями.

Веселые и довольные, что придется попариться в бане, в которой не были уже полтора года, матросы и без понуканий своего любимца, Егора Митрича, торопливо доставали из своих парусинных мешков по смене чистого белья, запасались мылом и кусками нащипанной пеньки, обмениваясь замечаниями насчет предстоящего удовольствия.

- По крайности матушку-Расею вспомним, братцы. С самого Кронштадта не парились.

- То-то в загранице нет нигде бань, одни ванны. Кажется, и башковатые люди в загранице живут, а поди ж ты! - не без чувства сожаления к иностранцам заметил пожилой баковый матрос.

- Так-таки и нигде? - спросил молодой чернявый матросик.

- Нигде. Без бань живут, чудные. Везде у них ванны.

- Эти ванны, чтоб им пусто было! - вставил один из матросов. - Я ходил в Бресте в эту самую ванную. Одна слава что мытье, а форменного мытья нету.

- А хороша здесь, братцы, баня?

- Хорошая, - отвечал матрос, бывший вчера на берегу. - Настоящая жаркая баня. Линейные солдатики строили; тоже, значит, российские люди. Им да вот этим самым несчастным, что роют уголь, только и утеха одна что баня...

- Да, вовсе здесь тяжкое житье...

- И командер ихней, сказывали, зверь.

- Одно слово - каторжное место... И ни тебе кабака, ни тебе бабы!

- Одна заваливающая варначка какая-то есть старая... Наши видели...

- Увидишь и ты, не бойсь! - проговорил, смеясь, подошедший Егор Митрич. - Не с лица воду пить! Живо, живо... Выползай, кто готов... Нечего-то лясы точить, чтоб вас!

Матросы выходили один за другим наверх с узелками под буршлатами и выстраивались на шканцах. Вышел старший офицер и, снова повторив мичману Ныркову приказание быть к одиннадцати часам на клипере, велел сажать людей на баркас, который уже покачивался у левого борта с поставленными мачтами.

Матросы весело спускались по веревочному трапу, прыгали в шлюпку и рассаживались по банкам. Старший офицер наблюдал за посадкой.

Минут через пять баркас, полный людьми, с поставленными парусами, отвалил от борта с мичманом Нырковым на руле, понесся стрелой с попутным ветром и скоро скрылся в туманной мгле, все еще окутывавшей берег.

II

В кают-компании все были в сборе за большим столом, покрытым белоснежной скатертью. Две горки свежих булок, изделия офицерского кока (повара), масло, лимоны, графинчик с коньяком и даже сливки красовались на столе, свидетельствуя о хозяйственных талантах и запасливости содержателя кают-компании молодого доктора Платона Васильевича, выбранного на эту хлопотливую должность во второй раз. Только что истопленная железная печка позволяла всем сидеть без пальто. Пили чай и болтали, поругивая главным образом

проклятый Сахалин, куда судьба занесла клипер. Ругали и открытый рейд с его зыбью, и собачью погоду, и местность, и холод, и медленную грузку угля. Всем, начиная со старшего офицера и кончая самым юным членом кают-компании, только что произведенным в мичмана, румяным и свежим, как яблочко, Арефьевым, эта стоянка в Дуэ была очень неприятна. Подобный берег не манил к себе моряков. Да и что могло манить?.. Неприветен был этот несчастный поселок на оголенном юру бухты, с унылым лесом сзади без конца, с несколькими казармами мрачного вида, в которых жили пятьдесят человек ссыльно-каторжных, выходивших с утра на добычу угля в устроенную вблизи шахту, да полурота солдат линейного сибирского батальона.

Когда старший офицер объявил в кают-компании, что сегодня "Ястреб" непременно уйдет в четыре часа, хотя бы и не весь уголь был принят, все по этому случаю выражали свою радость. Молодые офицеры вновь замечтали вслух о Сан-Франциско и о том, как они там "протрут денежки". Деньги, слава богу, были! В эти полтора месяца плавания с заходами в разные дыры нашего побережья на Дальнем Востоке при всем желании некуда было истратить денег, а впереди еще недели три-четыре до Сан-Франциско - смотришь, и можно спустить все трехмесячное содержание, а при случае и прихватить вперед... После адской скуки всех этих "собачьих дыр" морякам хотелось настоящего берега. Мечтали о хорошем порте со всеми его удовольствиями, только, разумеется, не вслух, и такие солидные люди, как старший офицер, Николай Николаевич, вообще редко съезжавший на берег, а если и съезжавший, то на самое короткое время, чтоб "освежиться", как говорил он, и доктор, и старший артиллерист, и старший механик, и даже отец Спиридоний. Все они с видимым вниманием слушали, когда Сниткин, полный лейтенант с сочными, пухлыми губами и маленькими глазками, всегда веселый и добродушный, немножко враль и балагур, рассказывал о прелестях Сан-Франциско, в котором он был в первое свое кругосветное плавание, и с неумеренною восторженностью, свойственною, кажется, одним морякам, восхвалял красоту и прелесть американок.

- Уж разве так хороши? - спросил кто-то.

- Прелесть! - ответил Сниткин и в доказательство поцеловал даже свои толстые пальцы.

- Помните, Василий Васильич, вы и малаек нам нахваливали. Говорили, что очень недурны собой, - заметил один из мичманов.

- Ну и что же? Они в своем роде недурны, эти черномазые дамы, - со смехом отвечал лейтенант Сниткин, не особенно разборчивый, по-видимому, к цвету кожи прекрасного пола. - Все, батюшка, зависит от точки зрения и обстоятельств, в которых находится злополучный моряк... Ха-ха-ха!

- При всяких обстоятельствах ваши хваленые малайки - мерзость!

- Ишь какой эстетик, скажите пожалуйста! И, однако, несмотря на всю свою эстетику, в Камчатке вы влюбились в заседательшу и все расспрашивали ее, как маринуют бруснику и морошку... А ведь этой даме все сорок, и главное - она форменный сапог... Хуже всякой малайки...

- Ну, положим, - сконфуженно пролепетал мичман.

- Да уж как там ни полагайте, голубчик, а - сапог... Одна бородавка на носу чего стоит... И тем не менее вы ей романсы пели... Значит, такая точка зрения была...

- Все не пел, - защищался юный мичман.

- А помните, господа, как все мы тогда из Камчатки с вареньем ушли? воскликнул кто-то из мичманов.

Раздался общий взрыв веселого смеха. Снова вспомнили, как после трехдневной стоянки "Ястреба" в Петропавловске, в Камчатке, - стоянки, взбудоражившей всех шесть дам местной интеллигенции и заставившей их на время примириться, забыв вражду, чтобы устроить бал для редких гостей, каждый из молодых офицеров клипера вечером, в день ухода из Камчатки, вносил в кают-компанию по банке варенья и ставил ее на стол с скромно торжествующей улыбкой. И то-то было сперва изумления и потом смеха, когда выяснилось, что все эти восемь банок варенья, преимущественно морошки, были подарком одной и той же тридцатилетней дамы, считавшейся первой красавицей среди шести камчатских дам. А между тем каждый, получивший "на память" по банке варенья, считал себя единственным счастливецом, удостоившимся такого особенного внимания.

- Всех обморочила лукавая бабенка! - восклицал Сниткин. - "Вам, говорит, одному варенье на память!" И руки жала, и... ха-ха-ха... Ловко! По крайней мере, никому не обидно!

После нескольких стаканов чая и многих выкуренных папирос старшему офицеру, видимо, не хотелось расставаться со своим почетным местом на мягком диване в теплой и уютной кают-компании, особенно в виду оживленных рассказов о Сан-Франциско, напомнивших Николаю Николаевичу, этому мученику своих тяжелых обязанностей старшего офицера, что и ему ничто человеческое не чуждо. Но, раб долга и педант, как и большая часть старших офицеров, любивший вдобавок напустить на себя вид человека, которому нет ни минуты покоя и который - полюбуйтесь! - за всем должен присмотреть и за все отвечать, он хоть и сделал кислую гримасу, вспомнив, какая наверху пакость, тем не менее решительно поднялся с дивана и крикнул вестовому:

- Пальто и дождевик!

- Куда вы, Николай Николаич? - спросил доктор.

- Странный вопрос, доктор, - отвечал как будто даже обиженно старший офицер. - Точно вы не знаете, что уголь грузят...

И старший офицер пошел наверх "присматривать" и мокнуть, хотя и без его присутствия выгрузка шла своим порядком. Но Николай Николаич все-таки торчал наверху и мок, словно бы в пику кому-то и в доказательство, сколь он претерпевает.

В кают-компании продолжалась веселая болтовня моряков, еще не надоевших друг другу до тошноты, что случается на очень длинных переходах, когда нет новых впечатлений извне. Мичмана расспрашивали лейтенанта Сниткина о Сан-Франциско, кто-то рассказывал анекдоты о "беспокойном адмирале". Все были веселы и беспечны.

Один только Лаврентий Иванович, старший штурман клипера, не принимал участия в разговоре и посасывал свою манилку, постукивая сморщенными, костлявыми пальцами по столу далеко не с тем добродушно-спокойным видом, с каким он это делал, когда "Ястреб" был в открытом океане или стоял на якоре на хорошем, защищенном рейде. Вдобавок Лаврентий Иванович не мурлыкал, по обыкновению, себе под нос излюбленного им мотива какого-то старинного романса, и это молчание тоже кое-что значило.

Это был сухощавый, среднего роста человек лет пятидесяти, с открытым, располагающим, еще свежим лицом, добросовестный и педантичный до щепетильности служака, давно уж примирившийся со своим, вечно подневольным, положением штурмана и скромной карьерой и не злобствовавший, по обычаю штурманов, на флотских. Поседевший на море, на котором провел большую часть своей одинокой, холостой жизни, он приобрел на нем вместе с богатым опытом, закалкой характера и ревматизмом еще и то несколько суеверное, почтительно-осторожное отношение к хорошо знакомому ему морю, которое делало Лаврентия Ивановича весьма недоверчивым и подозрительным к коварной стихии, показывавшей ему во время долгих плаваний всякие виды.

Видимо, чем-то озабоченный, он то и дело выходил из кают-компании наверх, поднимался на мостик и долгим, недоверчивым взглядом своих маленьких, зорких, как у коршуна, глаз глядел на море и озирался вокруг. Туманная мгла, закрывавшая берег, рассеялась, и можно было ясно видеть седые буруны, грохотавшие в нескольких местах бухты, в значительном отдалении от клипера. Поглядывал старый штурман и на надувшийся вымпел, не изменявший своего направления, указывающего, что ветер прямо, как говорят моряки, "в лоб", и на небо, на свинцовом фоне которого начинали прорезываться голубые кружки...

- Дождь-то, слава богу, перестает, Лаврентий Иваныч, - весело заметил вахтенный лейтенант Чирков.

- Да, перестает.

В мягком, приятном баске старого штурмана не слышно было довольной нотки. Напротив, то обстоятельство, что дождь перестает, казалось, не особенно нравилось Лаврентию Ивановичу. И словно бы не доверяя своим зорким глазам, он снял с поручней большой морской бинокль и снова впился в почерневшую даль. Несколько минут разглядывал он мрачные, нависшие над краем моря тучи и, положив на место бинокль, потянул носом, точно собака, воздух и покачал раздумчиво головой.

- Что это вы, Лаврентий Иваныч, все посматриваете?.. Мы, кажется, не проходим опасных мест? - шутливо спросил Чирков, подходя к штурману.

- Не нравится мне горизонт-с! - отрезал старый штурман.

- А что?

- Как бы в скорости не засвежело.

- Эка беда, если и засвежеет! - хвастливо проговорил молодой человек.

- Очень даже беда-с!! - внушительно и серьезно заметил старший штурман. - Этот свирепый норд-вест коли заревет вовсю, то надолго, и уж тогда не выпустит нас отсюда... А я предпочел бы штормовать в открытом море, чем здесь, на этом подлеце-рейде. Да-с!

- Чего нам бояться? У нас - машина. Разведем пары, в помощь якорям, и шутя отстоимся! - самоуверенно воскликнул Чирков.

Лаврентий Иванович посмотрел на молодого человека с снисходительной улыбкой старого, бывалого человека, слушающего хвастливого ребенка.

- Вы думаете "шутя"? - протянул он, усмехнувшись. - Напрасно! Вы, батенька, не знаете, что это за подлый норд-вест, а я его знаю. Лет десять тому назад я стоял здесь на шкуне*... Слава богу, вовремя убрались, а то бы...

* Ш к у н а - небольшое парусное судно.

Он не закончил фразы, боясь, как все суеверные люди, даже упоминать о возможности несчастья, и, помолчав, заметил:

- Положим, машина, а все бы лучше подбру-поздорову в море! Ну его к черту, уголь! В Нагасаки можем добрать. Эта хитрая каналья норд-вест сразу набрасывается, как бешеный. А уж как он рассвирепееет до шторма, тогда уходить поздно.

- Уж вы всегда, Лаврентий Иваныч, везде страхи видите.

- В ваши годы и я их не видал... Все, мол, трин-трава... На все наплевать, ничего не боялся... Ну, а как побывал в переделках, состарившись в море, так и вижу... Знаете ли пословицу: "Береженого и бог бережет".

- Что ж вы капитану не скажете?

- Что мне ему говорить? Он и сам должен знать, каково здесь отстаиваться в свежую погоду! - не без раздражения ответил старый штурман.

Лаврентий Иванович, однако, скрыл, что еще вчера, как только задул норд-вест, он доложил капитану о "подлости" этого ветра и крайне осторожно выразил мнение, что лучше бы уходить отсюда. Но молодой, самолюбивый и ревнивый к власти капитан, которого еще тешили первые годы командирства и который не любил ничьих советов, пропустил, казалось, мимо ушей замечание старшего штурмана и ни слова ему не ответил.

"И без тебя, мол, знаю!" - говорило, по-видимому, самоуверенное и красивое лицо капитана.

Старый штурман вышел из капитанской каюты, несколько обиженный таким "обрывом", и за дверями каюты проворчал себе под нос:

- Молода, в Саксонии не была!

- А все-таки, Лаврентий Иваныч, вы бы доложили капитану! - проговорил лейтенант Чирков, несколько смущенный словами старого штурмана, хотя и старавшийся скрыть это смущение в равнодушном тоне голоса.

- Что мне соваться с докладами? Он сам видит, какая здесь мерзость! с сердцем ответил Лаврентий Иванович.

В эту минуту на мостик поднялся капитан и стал оглядывать горизонт, весь покрытый зловещими черными тучами. Они, казалось, все росли и росли, охватывая все большее пространство, и, разрываясь, с поразительной быстротой поднимались по небосклону. Дождь перестал. Кругом, у берегов, прояснялось.

- Баркас еще не отвалил? - спросил капитан вахтенного.

- Нет.

- Поднять позывные!

В спокойном обыкновенно голосе капитана едва слышна была тревожная нотка.

"Небось теперь тревожишься, а вчера и слушать меня не хотел!" подумал старший штурман, искоса взглядывая на капитана, стоявшего на другой стороне мостика.

- То-то молода, в Саксонии не была! - прошептал Лаврентий Иванович любимую свою присказку.

- Баркас отваливает! - крикнул сигнальщик, все время смотревший на берег в подзорную трубу.

Сильный шквалистый порыв ветра внезапно ворвался в бухту, пронесся по ней, срывая гребешки волн, и прогудел в снастях. "Ястреб", стоявший против ветра, шутя выдержал этот порыв и только слегка дрогнул на своих туго натянутых якорных канатах.

- Прикажите разводить пары, да чтобы поскорей! - сказал капитан.

Вахтенный офицер дернул ручку машинного телеграфа и крикнул в переговорную трубку. Из

машины ответили: "Есть, разводим!"

- Отправьте угольные лодки на берег! Чтоб все было готово к съемке с якоря! - продолжал отдавать приказания капитан повелительным, отрывистым и слегка возбужденным голосом, сохраняя на лице своем обычное выражение спокойной уверенности.

Он заходил, заложив руки в карманы своего теплого пальто, по мостику, но поминутно останавливался: то вглядывался озабоченным взором в свинцовую даль рокотавшего моря, то оборачивался назад и в бинокль следил за баркасом, который медленно подвигался вперед против встречной зыби и ветра.

- А ведь вы были правы, Лаврентий Иванович, и я жалею, что не послушал вас и не снялся сегодня с рассветом с якоря! - проговорил вдруг капитан громко и, казалось, нарочно громко, чтоб слышал и Чирков, и старший офицер, поспешивший вбежать на мостик, как только узнал о съемке с якоря.

Сознание в своей неправоте такого уверенного в себе и страшно самолюбивого человека, каким был этот образованный, блестящий и действительно лихой капитан, обнаруживавший не раз во время плавания и отвагу, и хладнокровие, и находчивость настоящего моряка, совсем смягчило сердце скромного Лаврентия Ивановича. И он вдруг смутился и, словно в чем-то оправдываясь и желая в то же время оправдать капитана, промолвил:

- Я, Алексей Петрович, потому позволил себе доложить, что сам испытал, каков здесь норд-вест... А в лоции ничего не говорится...

- А, кажется, собирается засвежить не на шутку! - продолжал капитан, понижая голос... - Взгляните! - прибавил он, взмахнув головой на далекие тучи.

- Штормом попахивает, Алексей Петрович... Уж мне и в ногу стреляет-с, - шутливо промолвил старый штурман.

- Ну, пока он разыграется, мы успеем выйти в море... Пусть себе там нас треплет...

Опять, словно предупреждающий вестник, пронесся порыв, и снова клипер, точно конь на привязи, дернулся на цепях...

Капитан велел спустить брам-стенги.

- Да живее пары! - крикнул он в машину.

Брам-стенги были быстро спущены лихой командой клипера, и старший офицер, командовавший авралом, довольно улыбался, как они "сгорели". Скоро из трубы повалил дым. Баркас с людьми выгребал дружно и споро и приближался к клиперу. Все гребные судна были подняты.

Старый штурман все тревожнее и тревожнее посматривал на грозные тучи, облежавшие горизонт. В серьезном, несколько возбужденном лице капитана, в его походке, жестах, голосе заметно было нетерпение. Он то и дело звонил в машину и спрашивал: "Как пары?" - видимо, торопясь уходить из этой усеянной подводными камнями бухты, вдобавок еще плохо описанной в лоции.

А ветер заметно свежел. Приходилось потравливать якорные цепи, натягивавшиеся при сильных порывах в струну. Клипер при этом подавался назад, по направлению к берегу. Зыбь усиливалась, играя "зайчиками", и "Ястреб" стремительней "клевал" носом.

- Ну, слава богу, через час уйдем из этой дыры! - радостно говорили мичмана в кают-компании.

- И чтоб в нее никогда не заглядывать больше!

К старшему штурману, спустившемуся в кают-компанию выкурить манилку и погреться, кто-то обратился с вопросом:

- Лаврентий Иваныч! Когда мы придем в Сан-Франциско, как вы думаете? Недельки через четыре увидим американок, а?

- Нечего-то загадывать вперед... Мы ведь в море, а не на берегу...

- Ну, однако, приблизительно, Лаврентий Иваныч?.. Если все будет благополучно?..

- Да что вы пристали: когда да когда?.. Прежде отсюда надо убраться! - ворчливо промолвил штурман.

- А что, разве так свежо?

- Подите наверх - увидите!

- У нас, Лаврентий Иваныч, машина сильная. Выползем.

Лаврентий Иванович, почти не сомневавшийся, что клипер до шторма уйти не успеет и что ему придется отстаиваться на рейде, ничего не ответил и быстрыми, нервными затычками торопливо докуривал свою манилку, озабоченный и мрачный, полный самых невеселых дум о положении клипера, если штормяга будет, как он выражался, "форменный".

В эту минуту в кают-компанию влетел весь мокрый, с красным от холода лицом молодой мичман Нырков и возбужденно и весело воскликнул:

- Ну, господа, и анафема, я вам скажу, ветер... Так засвежел на половине дороги, что я думал: нам и не выгрести... Насилу добрались. И волна подлая... все мы вымокли... так и хлестало... И что за холод... Совсем замерз. Эй, вестовые! Скорей горячего чаю и коньяку! - крикнул он и пошел в свою каюту переодеваться, счастливый, что благополучно добрался и что в точности выполнил приказание и вернулся к одиннадцати часам. Он, еще совсем молодой моряк, первый раз попавший в дальнее плавание, конечно, стыдился сказать в кают-компании, как ему было жутко на баркасе, захлестываемом волной, как страшно и за себя, и за матросов, и как он, сам трусивший, с небрежным ухарским видом подбадривал усталых, вспотевших гребцов "навалиться", обещая им по три чарки на человека.

"Ах, как приятно, что все это прошло!" - проносилось в голове у молодого мичмана, когда он быстро облачался в сухое белье, предвкушая удовольствие согреться горячим чаем с коньяком.

- Ну, теперь нам нечего ждать... Скорей бы пары, и айда к американочкам... Не правда ли, Лаврентий Иваныч? - проговорил со смехом веселый лейтенант Сниткин.

Но Лаврентий Иванович только пожал плечами, надел свою походную старенькую фуражку и пошел наверх.

III

Опасения старого штурмана оправдались.

Только что подняли баркас в ростры* и принайтовили (привязали) его, как после трех, последовательно налетевших жестоких шквалов заревел шторм, один из тех штормов, которые смущают даже и старых, опытных моряков.

* Р о с т ы - специальный настил, предназначенный для

размещения шлюпок и хранения запасного рангоута на парусных судах.

Картина озверевшей стихии была действительно страшная.

По небу, с едва пробивающимися на свинцовом фоне голубыми кусочками, бешено и, казалось, низко неслись черные клочковатые облака и покрывали весь небосклон. Несмотря на утро, кругом стоял полусвет, точно в сумерки. Море, что называется, кипело. Громадные волны шумно и яростно нагоняли одна другую, сталкивались и рассыпались в своих верхушках алмазной пылью, которую подхватывал вихрь и нес дальше. Страшный рев бушующего моря сливался с ревом дьявольского ветра. Встречая в клипере препятствие, он то сердито выл, то проносился каким-то жалобным стоном в такелаже* и мачтах, в люках и дулах орудий, гнул стеньги**, потрясал поднятые на боканцах*** шлюпки, срывал непринайтовленные предметы и сердито трепал бесчисленные снасти.

* Т а к е л а ж - все веревочные снасти, служащие для удержания

рангоута.

** С т е н ь г а - брус, являющийся продолжением мачты.

*** Б о к а н ц ы - деревянные или железные брусья по борту

корабля для подвешивания шлюпок.

Словно обезумевший, освирепевший зверь, бросался он на маленький клипер, как будто грозя его уничтожить со всеми его обитателями. И "Ястреб", встретивший грудью врага, то и дело вздрагивал на своих вытравленных канатах, и, казалось, вот-вот сорвется с натянувшихся, гудевших цепей. Его дергало на них все больше и больше, и он, бедный, точно от боли, скрипел всеми своими членами и стремительно качался, уходя бугшпритом* в воду и отряхиваясь при подъеме, точно великан-птица, от воды.

* Б у г ш п р и т - брус, выступающий впереди носа корабля.

Нахлобучив на лоб фуражку, чтоб ее не сорвало ветром, стоял капитан на мостике, цепко держась одной рукой за поручни. В другой у него был рупор. Ледяной ветер дул ему прямо в лицо, пронизывая его всего холодом, но капитан, не покидавший мостика уже около часа, казалось, не чувствовал ветра, весь сосредоточенный, страшно серьезный и, по-видимому, совершенно спокойный. Однако это спокойствие, стоившее ему усилия, было лишь наружным спокойствием моряка, умеющего владеть собой в серьезные минуты. В душе у этого самолюбивого, отважного человека была мучительная тревога, и все его существо было в том нервном напряжении, которое при частых повторениях нередко преждевременно старит моряков и в нестарые еще годы делает их седыми. Он хорошо понимал опасность положения клипера и вверенных ему людей и, ввиду страшной нравственной ответственности, испытывал жгучие упреки совести. Его самонадеянная уверенность - виною всего... Зачем он не послушал вчера совета старого, много плававшего штурмана?.. Зачем он не ушел?.. И вот теперь...

- Пары! Когда же пары?! - крикнул он, дергая порывисто ручку машинного телеграфа.

Из машины ответили, что пары будут готовы через десять минут...

Десять минут в такой анафемский шторм, грозивший в каждое мгновение сорвать с якорей клипер, ведь это - целая вечность! Работая машиной, в помощь якорям, еще возможно удержаться и отстаиваться...

И капитан, обыкновенно сдержанный и не бранившийся, хорошо зная, что пары не могли быть раньше подняты, тем не менее крикнул в машину через переговорную трубку резкое, грубое слово, заставившее бедного старшего механика, и без того надрывавшегося, побледнеть как полотно и судорожно сжать кулаки.

Теперь уже капитан не вглядывался, как раньше, вперед, в даль моря, на просторе которого ему бы так хотелось быть в настоящую минуту, штормуя с крепким и добрым своим "Ястребом" под штормовыми парусами, задравши люки и носясь по волнам, как закупоренный бочонок, пока шторм не пройдет. Он часто оборачивался и тревожно посматривал по направлению к берегу туда, где среди беснующегося моря выделялась широкой извивающейся белой лентой сплошная седая пена бурунов на длинной каменистой гряде, чуть-чуть влево от поселка. Эта гряда, беспокоившая капитана, несмотря на свою отдаленность, лежала как раз против моря, в глубине открытого для норд-веста рейда. По двум другим его сторонам тянулись прямые обрывистые берега, вблизи которых там и сям тоже грохотали буруны. И только направо был маленький заливчик, омывающий устье небольшой ложины, свободный, по-видимому, от подводных камней.

- Готов ли запасный якорь? - спрашивал капитан старшего офицера, после того как тот доложил, что палубы и трюм им осмотрены и что все в исправности: орудия наглухо закреплены и все задраено.

- Готов.

- Цепи все вытравлены?

- Все. В струну вытягиваются, Алексей Петрович, - как бы, не дай бог, не лопнули и мы не потеряли бы якорей, - с сокрушением проговорил старший офицер.

И без того капитана мучило это обстоятельство, а тут еще старший офицер напоминает! И капитан, видимо сдерживая себя, нетерпеливо проговорил:

- Лопнут, тогда и будем об этом сокрушаться, Николай Николаич, а теперь рано еще! - и прибавил: - Помпы чтоб были в исправности!

- Есть! - ответил старший офицер и, несколько обиженный, считавший, что капитан недостаточно ценит его постоянную "каторжную" работу, сошел с мостика, чтобы осмотреть лично помпы, и почти не думая в своем заботливом служебном усердии, для чего они могут понадобиться.

Старший штурман, обыкновенно тревожившийся перед опасностью, теперь, когда опасность уже наступила, с каким-то фаталистическим спокойствием стоял у компаса, заложив руки в карманы своего куцега пальто на заячьем меху и удерживаясь на стремительно качающемся мостике своими врозь расставленными, привычными к качке "морскими" ногами. По-видимому, "форменный" штормяга с его возможными последствиями не очень пугал Лаврентья Ивановича, который не раз на своем веку бывал лицом к лицу со смертью.

"Что будет, то будет!" - говорила, казалось, и его поза, говорило и его решительно-покойное лицо, говорил и серьезно-вдумчивый, твердый взгляд его небольших серых глаз, посматривавших на буруны.

Лейтенант Чирков, несмотря на ухарски небрежный вид лихого моряка, который ничего не боится, видимо, трусил и, бледный, при каждом вздрагивании клипера тихонько крестился и взволнованным голосом кричал:

- На баке! За канатом смотреть!

Почти все офицеры вышли из теплой кают-компании наверх и с вытянутыми лицами посматривали вокруг на разыгравшуюся "анафему". О выходе в море нечего было и думать, а сколько времени будет реветь проклятый шторм, кто его знает?

- Ах, если бы меня с баркасом захватил этот шторм! Погибли бы мы все! - говорил, ища сочувствия, мичман Нырков и чувствовал себя бесконечно счастливым, что он не захватил его.

Прошло пять, необыкновенно долгих для капитана, минут. Сейчас пары будут готовы, и мучительное беспокойство пройдет. "Ястреб", несмотря на усиливающийся шторм, пока держался на якорях и не дрейфовал.

Но в ту же секунду, как капитан об этом подумал, клипер необыкновенно сильно вздрогнул, рванувшись назад, с бака донесся какой-то резкий, отрывистый лязг, и в то же мгновение боцман Егор Митрич стремглав подбежал к шканцам и прокричал громовым голосом:

- Цепи лопнули!

Точно обрадовавшись, что избавился от цепей, "Ястреб" метнулся в сторону, по ветру, и его понесло назад.

Брошенный немедленно запасный якорь на минуту задержал клипер. Он помотался и снова почувствовал свободу. Слово срезанная ножом, лопнула и эта цепь.

- Полный ход вперед! Лево на борт! - громким, твердым голосом скомандовал внезапно побледневший капитан.

Слава богу! Машина застучала, и винт забурлил за кормой. Клипер был остановлен в его опасном беге и поставлен против ветра.

Серьезное лицо капитана прояснилось. Но ненадолго.

Несмотря на усиленную работу машины, клипер едва удерживался на месте против жестокого ветра. Шторм крепчал, и "Ястреб" стал заметно дрейфовать назад.

- Самый полный ход вперед!..

Еще чаще стала машина отбивать такты, но мог ли "Ястреб" устоять против этого адского урагана?

"Ах, если б шторм ослабел!"

Вдруг корма дрогнула, словно коснувшись какого-то препятствия. Винт перестал буравить воду, сломанный в тот момент, когда "Ястреб" прочертил кормой, вероятно, у камня.

Теперь, совсем беспомощный, без винта, без якорей, не слушая более руля, став лагом поперек волнения, клипер стремительно неся на длинную гряду камней, к седой пене бурунов, грохотавших в недалеком расстоянии.

Машина, теперь бесполезная, застопорила.

IV

Крик ужаса вырвался из сотни человеческих грудей и застыл на исказившихся лицах и в широко раскрытых глазах, устремленных с каким-то бессмысленным вниманием на белеющую вдали, точно вздутую, ленту. Все сразу поняли и почувствовали неминуемость гибели и то, что всего какой-нибудь десяток минут отделяет их от верной смерти. Не могло быть никакого сомнения в том, что на этой длинной гряде камней, к которой шторм нес клипер с ужасающей быстротой, он разобьется вдребезги, и нет никакой надежды спастись среди водяных громад беснующегося моря. При этой мысли отчаяние и тоска охватывали души, отражаясь на судорожно подергивающихся, смертельно бледных лицах, на неподвижных зрачках и вырывающихся вздохах отчаяния.

Казалось, сама смерть уже глядела с бесстрастной жестокостью на эту горсть моряков из этих рокочущих, веющих ледяным холодом, высоких свинцовых волн, которые бешено скачут вокруг, треплют бедный клипер, бросая его с бока на бок, как щепку, и вкатываются своими верхушками на палубу, обдавая ледяными брызгами.

Матросы снимали фуражки, крестились и побелевшими устами шептали молитвы. По некоторым лицам текли слезы. На других, напротив, стояло выражение необыкновенно суровой серьезности. Один, совсем молодой матрос, Опарков, добродушный, веселый парень, попавший прямо от сохи в "дальнюю" и страшно боявшийся моря, вдруг громко ахнул, захохотал безумным смехом и, размахивая как-то наотмашь руками, подбежал к борту, вскочил на сетки и с тем же бессмысленным хохотом прыгнул в море и тотчас же исчез в волнах.

Еще другой, такой же молодой, обезумевший от отчаяния матрос хотел последовать примеру товарища и с диким воплем бросился было к борту, но боцман Егор Митрич схватил его за шиворот и угостил самой отборной руганью. Эта ругань привела матросика в сознание. Он виновато отошел от борта, широко крестясь и рыдая, как малый ребенок.

- Так-то лучше! - ласково проговорил Егор Митрич дрогнувшим голосом, чувствуя бесконечную жалость к этому матросику. - Бога вспомни, а не то, чтобы самому жизни решаться, глупая твоя башка, так твою так! А ты, матросик, не плачь, господь, может, еще и вызволит, - прибавил, утешая, старый боцман, сам не имевший никакой надежды на спасенье и готовый, казалось, безропотно покориться воле божией, посылавшей смерть.

Несколько старых матросов, соблюдая традиции, спустились на кубрик, спешно одели чистые рубахи и, подойдя к большому образу Николая-чудотворца, что находился в жилой палубе, прикладывались к нему, молились и уходили наверх, чтоб гибнуть на людях.

Несмотря на весь ужас положения, среди команды не было той паники, которая охватывает обыкновенно людей в подобные минуты. Привычка к строгой морской дисциплине, присутствие на мостике капитана, старшего офицера, вахтенного начальника и старого штурмана, которые не покидали своих мест, точно клипер не стремился к гибели, сдерживали матросов. И они, словно испуганные бараны, жались друг к другу, сбившись в толпу у грот-мачты, и с трогательной покорностью отчаяния переводили взгляды с моря на капитана.

На шканцах и под мостиком стояли офицеры с бледными, искаженными ужасом лицами. Еще недавно веселый, смеющийся толстый лейтенант Сниткин вздрагивал всем своим рыхлым телом, точно в лихорадке, едва удерживаясь на ногах от охватившего его страха. Он торопливо крестился, как-то жалобно и растерянно глядел на других и, словно стыдясь своего малодушия, пробовал улыбаться, но вместо улыбки выходила какая-то страдальческая гримаса. Доктор Платон Васильевич то и дело жмурился, точно у него вдруг заболели глаза, и затем с какой-то жадной внимательностью впивался глазами в море и снова жмурился. Бесконечно скорбное выражение светилось на его умном, симпатичном лице. В голове его проносилась мысль о горячо любимой им молодой жене и позднее раскаяние, что он ушел в плавание, вместо того чтоб выйти в отставку. И он, сам не замечая, громко повторял:

"Зачем?.. Зачем?.. Зачем?" - и опять жмурил глаза. Нырков, только что радовавшийся, что избавился от опасности потонуть на баркасе, старался скрыть свой ужас и страх перед надвигающейся несомненной смертью. Стыд показаться перед бесстрашным, казалось ему, капитаном, офицерами и матросами заставлял этого доброго, славного молодого мичмана делать невероятные усилия, чтоб казаться спокойным, готовым умереть, "как следует доблестному моряку". А между тем он чувствовал, что сердце его замирает в жгучей тоске и холодные струйки пробегают по спине. "Стыдно, стыдно!" - думает он, с безнадежной, безмолвной мольбой поднимая свои бархатные темные глаза на небо, по которому несутся черные, мрачные тучи. Но в них он видит все ту же смерть, которая, казалось, витает над клипером. Совсем юный мичман Арефьев, почти мальчик, не хотел верить, что приходится умирать... За что же? Он так молод, так полон жизни... "Только что произвели в мичмана, и вдруг умирать? Нет, это невозможно!" - думает он, вспоминая в это мгновение и мать-старушку, и сестру Соню, и гимназиста брата Костю, и эту маленькую столовую с кукушкой на стене, в которой так уютно и славно и где все его так любят, и чувствуя, как произвольно текут по его лицу слезы. Он отворачивается, чтобы другие не видели этих слез, и напрасно старается удержать их. Старший артиллерист и старший механик, оба пожилые люди, выбежав наверх и увидав положение клипера, бросились в свои каюты и стали прятать в карманы деньги и ценные вещи. У обоих у них семьи в Кронштадте... Оба они отказывали себе во всем, редко съезжали на берег, чтобы не тратиться и кое-что скопить в плаванье для близких. Наполнив карманы и как будто сделав самое главное дело, они вернулись наверх и только тогда, казалось, сознали, что не спасти им ни скопленных денег, ни ценных вещей и что семьи их осиротят. И они с каким-то диким ужасом в глазах озирались вокруг, машинально в то же время ощупывая карманы. Отец Спиридоний, жирный, круглый и гладкий, словно кот, откормившийся после постной монашеской трапезы на обильном кают-компанийском столе, с развевающейся рясой и клобуком на голове, уцепившись за одну из стоек, поддерживающих мостик, громко и, казалось, бессмысленно произносил молитвы, вздрагивая челюстями и вытаращив в диком страхе свои большие круглые глаза.

И офицеры, сбившиеся в кучу на шканцах, и матросы, толпившиеся у грот-мачты, то и дело взглядывали на капитана.

И взгляды эти точно говорили:

"Спаси нас!"

V

Словно затравленный волк, бледный и озлобленный, с горящими глазами, все еще не теряя самообладания, капитан, точно приросший к мостику, жадно и сердито озирался вокруг, ища спасения людей и клипера. Казалось, он чувствовал эти взгляды, полные мольбы и укора, устремленные на него, и мысль, что он виноват в гибели, снова пронеслась в его голове, заставив болезненно дрогнуть мускулы его напряженного, страшно серьезного в эту минуту лица. Спасения, казалось, не было. Прошло не более минуты, как клипер понесся на гряде, и капитан, переживший в эту минуту целую вечность, к ужасу своему, не находил исхода... Еще десяток минут, и клипер вскочит на камни, и там общая смерть...

Но вдруг глаза его впились в небольшой заливчик, вдавшийся в берег справа, впились и блеснули радостным блеском, озарив все его лицо. И в то же мгновение он крикнул в рупор громким, уверенным и повелительным голосом:

- Паруса ставить! Марсовые к вантам!.. Живо! Каждая секунда дорога, молодцы! - прибавил он.

Этот уверенный голос пробудил во всех какую-то смутную надежду, хотя никто и не понимал

пока, к чему ставятся паруса.

Только старый штурман, уже приготовившийся к смерти и по-прежнему спокойно стоявший у компаса, весь встрепенулся и с восторженным удивлением взглянул на капитана.

"Молодчага! Выручил!" - подумал он, любуясь, как старый морской волк, находчивостью капитана и догадавшись, в чем дело.

И штурман снова оживился и стал смотреть в бинокль на этот самый заливчик, почти закрытый возвышенными берегами.

- Я выбрасываюсь на берег! - отрывисто, резко и радостно проговорил капитан, обращаясь к старшему офицеру и к старшему штурману. - Кажется, там чисто... Камней нет? - прибавил он, указывая заостренней рукой, красной, как говядина, на заливчик, омывающий лощинку.

- Не должно быть! - отвечал старый штурман.

- А как глубина у берега?

- По карте двадцать фут.

- И отлично... В полветра мигом долетим...

- Как бы в эдакий шторм не сломало мачт! - вставил старший офицер.

- Есть о чем говорить теперь, - небрежно кинул капитан и, подняв голову, крикнул в рупор: - Живо, живо, молодцы!

Но "молодцы", стремительно качавшиеся на реях и цепко держась ногами на пертах*, и без подбадривания, в надежде на спасение, торопились отвязывать марсель и вязать рифы, несмотря на адский ветер, грозивший каждое мгновение сорвать их с рей в море или на палубу. Одной рукой держась за рею и прижавшись к ней, другой, свободной рукой каждый марсовой делал свое адски трудное дело на страшной высоте, при ледяном вихре. Приходилось цепляться зубами за мякоть паруса и рвать до крови ногти.

* П е р т ы - веревки под реями.

Наконец минут через восемь, во время которых клипер приблизился к бурунам настолько близко, что можно было видеть простым глазом черневшие по временам высокие камни, паруса были поставлены, и "Ястреб", с марсельями в четыре рифа и под стакселем, снова, как послушный конь на доброй узде, бросился к ветру и, накренившись, почти чертя воду бортом, понесся теперь к берегу, оставив влево за собой страшную пенящуюся ленту бурунов.

Все перекрестились. Надежда на спасение засветилась на всех лицах, и боцман Егор Митрич уж ругался с прежним одушевлением за невытянутый шкот у стакселя и с заботливой тревогой посматривал наверх, на гнувшиеся мачты.

- Спасайте-ка свои хронометры, Лаврентий Иваныч, - сказал капитан, когда клипер был уже близко от берега, - удар будет сильный, когда мы врежемся.

Старый штурман пошел спасать хронометры и инструменты.

Клипер, словно чайка, летел с попутным штормом прямо на берег. Мертвое молчание царило на палубе.

- Держись, ребята, крепче! - весело крикнул капитан, сам вцепившись в поручни... -

Марса-фалы отдай! Стаксель* долой!

* С т а к с е л ь - косо́й треугольный парус.

Паруса затрепыхались, и "Ястреб" со всего разбега выскочил носом в устье ложины, глубоко врезавшись всем своим корпусом в мягкий песчаный грунт.

Все, как один человек, невольно обнажили головы.

VI

- Спасибо, ребята, молодцами работали!.. - говорил капитан, обходя команду.

- Рады стараться, вашескорodie! - радостно отвечали матросы.

- За вас вечно будем бога молить! - слышались голоса.

Капитан приказал выдать людям по две чарки водки и скорей варить им горячую пищу. Вслед за тем он вместе с старшим офицером спустился вниз осматривать повреждения клипера. Повреждений оказалось не особенно много, и воды в трюме почти не было. Только при ударе тронуло машину да своротило камбуз.

- А молодец "Ястреб", крепкое судно, Николай Николаич.

- Доброе судно! - любовно отвечал старший офицер.

- Сегодня пусть отдохнет команда, да и здесь стоять нам хорошо... шторм нас не побеспокоит, - продолжал капитан, - а с завтрашнего утра станем помаленьку выгружать тяжести и провизию и еще вытянем подальше клипер, чтобы спокойнее зимовать и не бояться ледохода...

- Есть, - проговорил старший офицер.

- Провизии у нас ведь довольно до весны?

- На шесть месяцев...

- И, значит, отлично прозимуем в этой дыре, - заметил капитан, поднимаясь из машины.

Радостные, счастливые, иззябшие и страшно голодные, спустились офицеры в кают-компанию и торопили вестовых подать водки и чего-нибудь закусить да скорей затопить печку. Об обеде пока нечего было и думать. Все заготовленное с утра пропало в свороченном на сторону камбузе.

- Вот тебе и Сан-Франциско! - проговорил после нескольких минут взволнованного молчания лейтенант Сниткин, оправившийся от страха и несколько сконфуженный, что видели его отчаянное малодушие.

- Молите бога, что вас не едят теперь рыбы! - серьезно заметил Лаврентий Иванович и с видимым наслаждением опрокинул себе в рот объемистую рюмку рома и закусил честером. - Если бы не наш умница капитан, были бы мы в настоящую минуту на дне морском. Он нас вызволил... Гениальная находчивость... Лихой моряк!..

И старый штурман "дернул" другую.

Все в один голос соглашались с Лаврентием Ивановичем, а мичман Ныркков восторженно

воскликнул:

- Я просто влюбился в него после сегодняшнего дня!.. И какое дьявольское присутствие духа...

В эту минуту двери отворились. Все смолкли. Вошел капитан вместе со старшим офицером.

- Ну, господа, - проговорил он, снимая фуражку, - вместо Сан-Франциско будем зимовать здесь, в этой трущобе... Что делать?! Не послушал я вчера нашего уважаемого Лаврентия Иваныча... Не ушел. А теперь раньше весны отсюда не уйдем... При первой возможности я дам знать начальнику эскадры, и он пришлет за нами одно из судов. Оно отведет нас в док, мы починимся и снова будем плавать на "Ястребе"... Да что это вы, господа, на меня так странно смотрите? - вдруг прибавил капитан, заметив общие удивленные взгляды, устремленные на его голову.

- Вы поседели, Алексей Петрович, - тихо, с каким-то любовным почтением проговорил старый штурман.

Действительно, его белокурая красивая голова была почти седа.

- Поседел?! Ну, это еще небольшая беда, - промолвил капитан. - Могла быть беда несравненно большая... А что, господа, не позволите ли у вас закусить? - прибавил он. - Страшно есть хочется.

Все радостно усадили его на диван.

Весной за клипером пришел сам "беспокойный адмирал" на корвете "Резвый" и отдал в приказе благодарность капитану за его находчивость и мужество, "с какими он спас в критические минуты экипаж и вверенное ему судно". Через несколько дней "Ястреб" был приведен на буксире в Гонконг и, починившись в доке, через месяц, по-прежнему стройный, красивый и изящный, плыл к берегам Австралии.

1893